

ту, о Боже, Боже, / Какой останется искусанный комок — / Остывшая и с лопнувшей кожей, / Отцветший, полумертвый зверь-цветок". Откровенная физиологичность образа, его сверхплотность и грубая вещность, сопряженная с актом духовного страдания, создает новую действительность — отталкивающую, устрашающую, но зато единственно истинную.

У дарования Щварц есть редкое для русской поэзии свойство — способность к мистическому переживанию. Духовный опыт обретающей словесную плоть, которая реальнее самой реальности. Какие бы запредельные темы ни возникали в ее стихах, образы всегда отчетливо визуальны; поэт преследует двойную цель — сохранить тайну во всей ее непосредственности и одновременно сделать ее явленной» (Кузнецова А.— С. 161). В частности, всегда сияющую мистически-непостижимым светом луну (доминирующий, кстати, образ в поэзии Ш.) поэт делает вполне доступной для своих героев («Однажды он Луну догнал, / И нечаянно внутрь ступил...» — «Поход юродивых на Киев»), заполняет ее динамикой и всевозможными реалиями земного бытия: «Луна висела, как столпотворенье, / Как вихревой комок, / Сплелись в ней лица, хищные растенья, / Псалмы, визг скрипок и стихотворенья, / Водоворот камней и волосок» («Земля творная»).

Поэзию Ш. отличает также своеобразная цветопись, носящая не статичный, а динамический, «вибрирующий» характер: «Рыба воздух сжигает своим серебром», «Над ней рассвет уже дрожал / Внутренней коркой арбузной», «Воздух будто промокашечный — / Из сиянья, из дрожанья / Что-то хочет проступить». Ее лексическую особенность составляет употребление архаизмов («Так униженна местность, смиренна...», «О Родина милая, родина драгая...», «И взлетали они и взмывали оне», «Льзя ли грубо различать?»), что способствует усилению ее «нездешнего» звучания. Из лит. традиций в поэзии Ш. наиболее ощутимо признаваемое и ею самой влияние М. Кузмина и М. Цветаевой.

Удостоена премий им. Андрея Белого, Триумф (2003), им. Алле Рице (2005); переведена на 17 яз.

Соч.: Стихи. СПб., 1990; Лоция ночи. СПб., 1993; Песня птицы на дне морском. СПб., 1995; *Mundis imaginalis* (Книга ответвлений). СПб., 1996; Определение в дурную погоду. СПб., 1997; Западно-восточный ветер. СПб., 1997; Соло на раскаленной трубе. СПб., 1998; Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Дикопись последнего времени. СПб., 2001; Сочинения в двух томах.

СПб., 2002; Видимая сторона жизни. Книга эссе, литературных мемуаров и малой прозы. СПб.; М., 2003.

Лит.: Кузнецова А. Воскресение внутри духа. О трех зарубежных книгах Елены Шварц // Звезда. 1990. № 12; Рекшин М. Со дна исторической шкатулки // Вестник новой лит-ры. Л., 1990. Вып. 2; Топоров В. Об одной группе сербо-хорватских заговоров // Славянско-балканское языковедение. М., 1993; История ленинградской неподцензурной лит-ры. СПб., 2000; Изварина Е. Поэзия метаморфозы // Урал. 2001. № 5; Свитнева Е. Координаты духа, или Дикопись в ритме свинга // Новый мир. 2001. № 9; Антипов А. Жар и озноб // Знамя. 2001. № 7; Шубинский В. Садовник и сад: о поэзии Елены Шварц // Знамя. 2001. № 11.

А. И. Михайлов

ШЕВЕЛЁВ Александр Александрович [13.7.1934, д. Крислино Калужской обл.— 30.10.1993, Петербург] — поэт.

Родился в крестьянской семье. В детстве Ш. воспринял «трепетное отношение к российским просторам, к лесам и полям, зорям и закатам, ночным грозам и грибным дождям — ко всему тому, что зовется Россией» (**Поклонение слову**. С. 7). В годы оккупации семья скрывалась в лесных деревнях. После школы обучался в ремесленном училище в Новомосковске, затем в техникуме промышленной промышленности в Ленинграде. Окончил Ленинградский ин-т точной механики и оптики (1961). Работал в НИИ им. Крылова.

Стихи начал писать рано, первая публикация — в 1955. В 1960-е Ш. печатается

А. А. Шевелёв

в Ленинградской газ. «Смена», затем во мн. периодических изд. Член СП России с 1970. Окончил Высшие лит. курсы при Лит. ин-те им. А. М. Горького (1973). Работал на ленинградской студии телевидения и студии документальных фильмов, на радио, заведующим лит. частью Театра драмы им. А. С. Пушкина, в редакции ж. «Аврора». В 1970–80-е активно участвовал в общественной борьбе в защиту национальной культуры, оказывал поддержку соратникам и начинающим поэтам, способствовал выходу книг молодых литераторов, руководил творческими семинарами и литобъединениями.

После выхода в 1966 первого сб. «**Август**» (с предисл. В. Шефнера) талант Ш. был признан и критиками, и читателями. Эпиграфом к его творчеству могут служить строки: «Душа моя не огрубела, / Она совсем не помнит зла. / Она простые песни пела. / Земные делала дела». Ш. сформировался под влиянием «тихой» лирики 1960-х. «По призванию Шевелёв был поэт-лирик, проникновенный пейзажист. Он чутко ощущал русскую природу, русскую душу, поэтизировал гармонию мира, будничность, простоту и тепло внешне непримечательного человеческого бытия, в котором все скоротечно, переходяще, все — неповторимо и важно» (Любомудров М.— С. 442).

Уже в ранних стихах Ш. критики отмечали убедительную точность и четкость образа, кинематографичность стиховой палитры Ш.: «в ней есть немало словесно-образительных приемов, сходных с приемами современного лирического экрана» (Золотцев Ст. «Я сам искал свою дорогу» // Звезда. 1980. № 5. С. 222). Ш. вошел в лит-ру как «поэт, владеющий искусством лирической паузы, умеющий углубленно вслушиваться в затаенную жизнь природы» (Хмельницкая Т. О первых книгах // День поэзии 1967. Л., 1967. С. 143).

Герои лирики Ш.— деревенские люди, которых поэт любит нежно и скромно. «Шевелёва отличает редкое внимание к старикам, к их мудрости и красоте... понимание чужих печалей и забот, сочувствие людям» (Кушнер А. [Рец.: «Гончарный круг», «Нежность земли»] // Звезда. 1970. № 10. С. 217). Поэта пленяют задумчивые тихие пейзажи. Деревенский мир для Ш. неисчерпаем и прекрасен во всех своих подробностях и явлениях. Этот мир перерастает свои рамки и соседствует с мирозданием: «И центр всему — земная ось / Торчит у дальнего сарая». Оригинальность и самобытность мировидения Ш.— в сопряженности извечно-мирового, природ-

ного и повседневно-бытового («Где горизонта полоса холмы расставит, как посуду»). «Это живой мир, но он же подобен вымыслу и чуду. Стирается граница между житейским и житийным, бытом и бытием, явью и поверьем» (Пикач А. 1998. С. 406).

Поэзия Ш. проникнута космическим ощущением мира, в ней присутствуют есенинские мотивы, ощутимо влияние Фета, Бунина, Тютчева, позднего Заболоцкого. Лирико-философские ориентиры Ш.— «дорога» и «звезда», которые воспеты во множестве стих. Поэт способен словно раствориться в мире, ему важно остановить мгновение, чтобы полнее пережить его. Живописуя дали и грозы, звезды и метели, Ш. отражает состояния своей души, пытается уловить неуловимое. Отсюда затаенность, недосказанность его стихов.

Сквозной мотив поэзии Ш.— удивление перед миром и его загадкой, благоговение перед таинством жизни. В его стихах вновь возникают и лермонтовская беседа звезд: «Известно только Богу одному, / Что рассказать звезда звезде хотела...», и тютчевское «святылище небес»: «На лавку сел я возле тына, / И ночи древняя краса, / Вселенной странная картина / Глядела прямо мне в глаза». При этом «музыка небесных сфер не подавляет человека, но естественно приближена к его душе и даже обиходу... В стихах Шевелёва сходятся небесное и самое земное, осязательное» (Пикач А. 1998. С. 404–405).

Один из самых сокровенных образов Ш.— образ матери: любящей, скорбящей, труженицы, предстающей как источник бытия, заключающей в себе извечную доброту, любовь ко всему существу: «Мать стояла одна у порога, / Чуть качая седой головой, / И моя ледяная дорога / На глазах зарастала травой» («**Сон**»). В любовной лирике Ш. открывается душа зрелого человека, не утерявшего тяги к красоте любви, способного на высокое и одухотворенное чувство, звучит по-рыцарски мужественный голос.

Признаваясь в любви к России, поэт избегает громких слов. Его поэзия, рассказывающая о чудесной тишине родной земли, медитативна и раздумчива. Для него и деревня, и город (которому также посвящен ряд стихов) — ипостаси великой и неделимой России. Это определяет свойства его поэтической системы: «Ему ближе „простые вести“, „земные радости“. Он даже избегает метафор, обобщений, стремясь воссоздать конкретное настроение, несравненное мгнове-

ние человеческой радости» (Павлов Н. Первоначальные итоги // Звезда. 1985. № 3. С. 203).

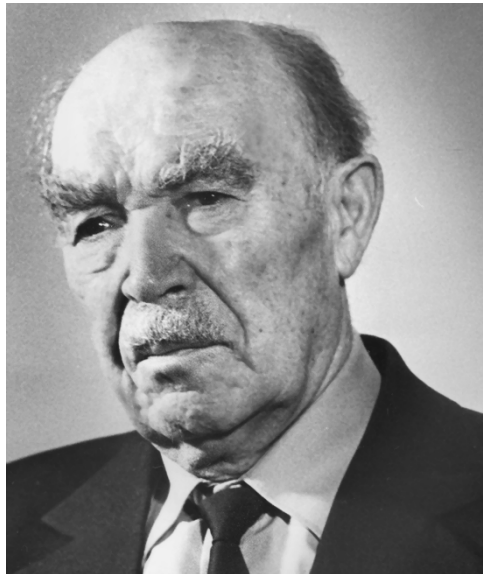
В 1970-е лирика Ш. все больше наполняется песенной стихией, усиливается ее эмоциональная активность. Проникновенный и напевный лирический строй поэзии Ш. привлек внимание мн. композиторов, которые отмечали музыкальность стихов Ш., идущую изнутри слова, мелодическую энергетику образов. На стихи Ш. написано много песен и вокальных циклов. Получили известность «Поздний лист рябины» (Ст. Пожлаков), «Присягаю земле» (В. Соловьев), «Зимний день», «Листопад», «Мгновение», цикл «Память» (Г. Фиртич), цикл «Тихие песни» (А. Сивашова). Песенные тексты Ш. согреты «неподдельным чувством лирического волнения, глубинным философского проникновения в жизнь окружающего мира, в судьбы и характеры людей своего поколения» (Морозов Г.— С. 3). Ш. также работал в творческом содружестве с С. Горковенко, В. Успенским, С. Чебышевым, А. Кальварским и др.

«В общерусском поэтическом „оркестре“ у Ш. имелся свой особый инструмент... В его поэзии звучали тихие, потаенные струны русского сердца, его глубинные скорбь и тоска, его лирическая песенность и бесхитростные (истинно „простые“) радости» (Любомудров М.— С. 443). В Санкт-Петербурге открыт мемориальный центр Ш.

Соч.: Август. Л., 1966; Гончарный круг. Л., 1969; До первой звезды. Л., 1975; Простые вести. Л., 1976; Единственная земля. М., 1979; Мне послышалась свирель. Л., 1981; Я возвратился из пурги. М., 1982; Осенний перекресток. Л., 1984; Всем сердцем. М., 1984; Окликая судьбу. М., 1985; Земные радости простые. Л., 1986; Сердце матери. Л., 1988; Вечерняя равнина. М., 1989; Последние строки. СПб., 1994; Линия судьбы. СПб., 1995; Я оставляю вам. СПб., 1995; Где-то песня слышна — то поет тишина: Песни. СПб., 1996; Избранное: Стихотворения. Проза. Друзья о поэте. СПб., 1998; Поклонение слову [Автобиография] // Избранное. СПб., 1998. С. 7–10.

Лит.: Пикач А. Простые песни // Звезда. 1975. № 7. С. 221–222; Шестинский О. Доброе слово поэта // Шевелев А. Земные радости простые. Л., 1986. С. 3–6; Морозов Г. О песнях Александра Шевелева // Шевелев А. Где-то песня слышна — то поет тишина: песни. СПб., 1996. С. 3–5; Фиртич Г. О поэте и друге // Там же. С. 8–9; Пикач А. Родной язык мой златоглавый // Шевелев А. Избранное. СПб., 1998. С. 398–410; Любомудров М. Общность пути // Там же. С. 441–443; Друзья о поэте // Там же. С. 413–443.

А. М. Любомудров

И. М. Шевцов

ШЕВЦОВ Иван Михайлович [9.9.1920, д. Любиж Горецкого р-на Могилевской обл.] — прозаик, публицист.

Отец Ш.— председатель сельсовета; скончался через 3 месяца после рождения Ш. Детство Ш. прошло в д. Никитиничи Шкловского р-на Могилевской обл., где он окончил школу. В 1930 в Ш. стреляли кулаки за данные им на суде свидетельские показания по делу о поджоге колхозных полей. С 1934 Ш. сотрудничал в районных газ. «Путь коммунизма» и «Ленинский призыв», публикуя фельетоны под псевдонимом «Денис Дидро».

После двух курсов Оршанского педтехникума в 1938 Ш. поступил в Саратовское училище погранвойск, откуда в конце 1939 был досрочно выпущен в звании лейтенанта и направлен командиром взвода на советско-финскую войну. В 1940–41 — начальник погранзаставы сперва на финской, затем на румынской границах.

22 июня 1941 79-й погранотряд под командованием Ш. принял бой на восточном берегу Днестра, где держал оборону в течение 9 дней. Осенью 1941 во время отступления до Тулы командовал взводом (затем ротой) разведки 34-го погранполка, одновременно сотрудничая в дивизионной газ. 5-й армии Западного фронта. В 1942 командовал отрядом ОМСБОН, занимавшимся диверсионной работой в тылу врага; был ранен. В том же году вступил в КПСС. В госпитале после знакомства с поэтическими опытами